

О подвиге русской крестьянки Епистинии Федоровны Степановой знают многие: где бы я ни был, у кого бы ни спрашивал – в средней полосе России, на Дальнем Востоке и, конечно на Кубани, – люди говорят: «Знаем» или «Слышали». Сегодня важно помнить историю Епистинии Степановой, потому что в ней – христианские мотивы мирной и благой жизни на земле, человеческого бытия.

В этом году исполнилось 50 лет со дня смерти Солдатской Матери. Она умерла 7 февраля 1969 года в возрасте 87 лет. Долго жила бабушка Пестя – многое пережила, многое повидала за свои почти девять десятков.

Рязанский писатель Виктор Конов, написавший книгу «Епистинья Степанова», изданную в серии ЖЗЛ, в неопубликованных письмах с тимашевской журналисткой Надеждой Басмановой, рассуждает: «Разница между “Епистиньей” и “Епистинией”, на мой взгляд, такая. “Епистиния” звучит более официально и лучше произносить с отчеством. “Епистинья” – более домашнее, хоть и не панибратское имя». Но все земляки звали Мать просто – бабушка Пестя.

Имя это ей дали при крещении. «Много раз Епистинья говорила: “Такое корявое имя поп дал... Наверно, привезли меня крестить в полотняной простыне. Если бы в шелковой – и назвал бы покрасивей”», – пишет Виктор Конов.

Юная Пестя никогда бы и не подумала, что ее жизнь сплетется с кубанской землей, кубанским казачеством, если бы в конце XIX века ее родители, Федор и Феодора Рыбалко, не решили перебраться из

села под Мариуполем на Кубань. Место – новое, малозаселенное, богатое землей и ресурсами. Считай, сто лет всего прошло, как казаки по дару Екатерины II освоили территорию. Кругом – степи да реки, изредка встречаются хутора со скромными десятками, а то и единицами дворов. Вот и решило большое семейство Рыбалко, в семье которых было девять детей, перебраться на земли свободных казаков. Собрали вещи, загрузили арбу и пошли по земле – сначала азовской, потом донской, а после уж и кубанские степи начались. Конов пишет: «Двинулись весной. Тепло, подсохли дороги. По теплу можно не только найти на огромной Кубани подходящее место, но и устроить до холодов кое-какое жилище и, Бог даст, что-нибудь вырастить на зиму».

НЕДОЛГИЙ ВЕК ХУТОРА ШКУРОПАТСКОГО

Епистинье было не больше 10 лет, когда семья обосновалась на хуторе пана Шкуропатского вблизи станицы Тимашевской Кавказского отдела Кубанской области. Первая печаль застала в дороге – умер глава семейства: надорвался – арбу вытягивал из лужи. Уже виднелись белые хатки хутора, когда окатил внезапный дождь. Федор умер через несколько дней после приезда.

Тимашевским архивистам удалось выяснить, что панов Шкуропатских было несколько, но какой именно имел земли на том хуторе, куда перебралась семья Рыбалко, доподлинно неизвестно. Историки утверждают, что с паном повезло: был добр, давал

земли в пользование без оплаты в первое время, пока семьи не встанут на ноги.

Не найти ныне хутора Шкуропатского ни на карте, ни на земле. Надежда Басманова пишет: «Хутор, которого нет... Недолго просуществовал он — в 1890 году основан полковником Шкуропатским, а в 1974-м ликвидирован». Люд переехал в соседние, более обжитые хутора, некоторые и вовсе устремились в районный центр, который к тому времени, в 1966-м, получил статус города. Не сохранили ни хуторских улиц, ни саманных домов хутора Шкуропатского. Оно и понятно: глина и камыш недолго простояли бы под дождями и ветрами — считай, почти век прошел. Короткий век. Сравнили и хату Степановых, не сделав ни одной фотографии на память...

Но хуторской погост стоит и до сих пор, его не тронули. Много Степановых и Рыбалко там захоронено: и Михаил, и дети его, и братья, и племянники.

НАЙМИЧКА

Рыбалки выстроили землянку. Мужчиной в семье теперь стал брат Пести Данила. Виктор Конов пишет: «Федор наказывал: расходитесь по хуторам, идите внаймы...». Так и порешали: Данила отвез Епистинью в другой хутор батрачить. Кончилось детство у Пести. Там, на хуторе, пришлось ей ухаживать за скотом хозяев, которые нередко насмехались над своими батраками.

Вскоре часть семейства переехала на побережье Азовского моря. Жизнь там была легче: море — ни пахать, ни засеивать не надо, лови только рыбу, сколько хочешь. В Шкуропатском остались двое: брат Данила и сестра Одарка, Епистинья батрачила в другом хуторе, до сих пор его название не известно. Брат часто навещал ее. «Пестя хорошо знала давнюю крестьянскую традицию: после смерти отца главным в семье становится старший брат. Она покорно и послушно выполняла его советы и приказания. Уже став взрослой, в трудные минуты, думая и гадая, как выйти из нелегкого положения, всегда заканчивала обсуждение словами: «А там — як скаже Даныло», — пишет Конов.

Постепенно Пестя привыкала к казацкой жизни, ее обычаям и порядкам, всматривалась в образчики народной кубанской жизни.

В архивах не сохранилось никаких свидетельств жизни Епистинии Степановой до замужества. Всю историю по крупицам собирал Виктор Конов: ходил степановскими тропами, дышал воздухом, каким дышало большое семейство, записывал воспоминания родственников, соседей, хуторян...

Кипела жизнь: пан раздавал земли в аренду пришедшим крестьянам, казакам; заводили здесь семьи, вели хозяйство — до реки рукой подать, каких-то несколько десятков метров; ходили в монастырь Марии Магдалины, купола которого виднелись с земель соседнего хутора.

«ЧЕМ ТЕБЕ ХОДЫТЬ ПО НАЙМАХ, ТАК ЛУЧШЕ БУДЕШЬ ХОЗЯЙКОЮ»

В эти же годы, когда семейство Рыбалко оказалось на Кубани, переселялись из Курской губернии и Степановы — Николай и Акулина во главе, а с ними дети: Пантелей, Фадей, Елена и Михаил — будущий муж Епистиньи. Обосновались сначала в станице Ольгинской, но из-за давления казаков на пришлый люд пришлось перебраться на новое место. Им оказался хутор Шкуропатский.

«В конце XIX века сын Степановых Михаил и дочь Рыбалко Епистиния создали новую семью. Они арендовали землю у пана Шкуропатского. Пан для арендаторов отводил участки земли на своем хуторе, на котором разрешал строить хату, надворные постройки, сеять зерновые, овощи и бахчевые. По меже разрешал сажать акацию — строительный материал, во дворе — шелковицу, любимое лакомство детей...» — пишет краевед, заслуженный работник культуры Кубани Таисия Чумакова.

Виктор Конов свидетельствует: «В зыбком сегодняшнем родовом предании о замужестве Епистиньи

сохранились ломкие обрывки и кусочки. “<...> Поглядела на Михайлу: маленький, курносый... Говорю маме: “Ой, мамо, мамо. Я не хочу заміж виходыть”. А она мэнэ: “Поживешь, привыкнешь та й будешь жить. Чем тебе ходыть по наймах, так лучше будешь хозяйкою”».

Первая хата Степановых сгорела, Михаил возвел вторую. И потекли заботы: Пестя уже не батрачка, а жена, Михаил – муж, сила и опора семьи. «Шестнадцать и две недельки на семнадцатый», по ее словам, было Песте, около 20 – ему. Сложно им сначала было жить на казацкой земле: ни казаками, ни панами не были – люд пришлый, кацапы. Да и семья Михаила не приняла искренне Пестю: без отца, семья по Кубани разбросана, юна слишком...

Тихо, мирно потекла жизнь Степановых. Пошли детки. Первая – Стефания – родилась в 1899-м, но Стефанией была только по документам, родные звали Стеней, Степанидой. Епистинии было 17 лет. Но первая потеря случилась совсем скоро. Четырехлетняя Стеня упала в чугунок с кипятком, обварилась. Была зима, девочку обложили снегом. Умерла через несколько дней от воспаления легких. «И умолк звонкий голосок, умолкло лепетанье, ушла Стеня, первенец. Открыт счет потерям. Маленький гробик отнесли на печальный курган», – пишет Виктор Конов. Как смогла пережить двадцатилетняя девушка смерть дочки? Откуда у юной Пести были силы?..

11 ЛЕТ ХОДИЛА БЕРЕМЕННАЯ

Жизнь пошла дальше. Новые дети, заботы о них. «Епистиния Федоровна была отличной хозяйкой – о таких в народе говорят: “И на стози, и на вози”, т. е. может и дом вести, и в поле работать – и на стогу укладывать сено, и на возу. Она умела прясть пряжу, вязала носки, варежки и кружева на подзорники, обшивала семью сама, а семья, слава Богу, была многодетная. У Михаила Николаевича и Епистинии Федоровны было 15 детей: 12 мальчиков и 3 девочки.

Более 11 лет она ходила беременная! О том, какой Епистиния была хозяйкой, как готовила еду, пекла хлеб, бублики, пироги и блины, ходили легенды. Бублики они пекли всей семьей – напекали по мешку и больше. Блины меньше ведра Епистиния не затевала. Детей учила: “Если лепишь вареник или пирожок, сделай так, чтобы он тебе улыбался”», – пишет Таисия Чумакова.

Шли годы, о Степановых знали многие. Из книги «Епистинья» Виктора Конова: «Михаил владел грамотой, умел читать, одним из немногих на хуторе начал выписывать газету. К нему стали ходить с просьбами написать письмо, официальную бумагу или просто за советом, о чем позже с гордостью за мужа говорила детям Епистинья».

В 1930-е на Кубань пришел голод. Михаил не выдержал, умер в 1933 году. Пополнился печальный погост еще одним крестом с надписью «Степанов». У детей осталась одна Епистинья. Кормила семью работа в колхозе «1-е Мая»: трудились старшие дети – Николай, Василий и Филипп, младшие в это время заканчивали школу. В 1939-м, 20 мая, в бою над Халхин-Голом погиб Федор Степанов. До него в июле 1918-го белоказаки убили Александра-старшего.

ГДЕ СЫНЫ?..

В 1939 году Епистинья переехала в дом Филиппа в хутор 1-е Мая (ныне Ольховский). Через два года началась Великая Отечественная война. Ушли на военные сборы Василий и Филипп, проводили на фронт Николая и Сашу-мизинчика. Без вести пропали Ваня, Вася и Павлуша. В 1942-м пропал без вести Филя, через год погибли Илюша на Курской дуге и Саша на берегу Днепра.

Трудно стало Епистинии Федоровне одной, жизнь ее на земле перевалила за шестой десяток. Сыны на войне – хозяйствовала сама с женой Филиппа Александрой Моисеевной. Надежда Басманова пишет: «28 декабря 1943 года на приеме в исполкоме была Епистиния Федоровна Степанова. Пришла мать челом бить – не изымать у нее корову. “Трудно

поверить, но матери отказали. Ввиду того, что обмен коров произошел во время немецкой оккупации и выменянная корова гражданки Степановой похищена неизвестно кем, в иске отказать, корову закрепить за фермой колхоза. Трудно поверить, что никто тогда не поинтересовался у матери, с кем она живет, где ее кормильцы, уж не перешли ли на сторону врага? У других-то коров изымали именно по этой причине...». Голодно и холодно было в 1943-м, спасала лишь печь в хате, которую выстроил Филипп. Казаки насмеялись насчет этих печей, но достоинства ее оказались велики. Вот и холодной оккупационной зимой частичка Филиппа, сына, грела мать и жену.

Шли дни, ночи, недели и месяцы... Шли письма сынов с фронтов. В 1942 году Иван прислал Епистинье стихотворение:

К МАТЕРИ

*Помню, мать, детство наше
В далеком хуторе глухом.
Как мы делили горе наше
Над речкой в домике своем.
Семью веселую, большую,
Друзей, соседей полон дом,
Баян и скрипку удалую,
Их нежный звук и патефон.
Я детство наше не забуду,
Его счастливы времена.
И долго-долго помнить буду
Тебя я, мать, ты у нас одна.
Люблю тебя я, мать родная,
Твои ласковые глаза.
А сколько слез ты, дорогая,
Страданий из-за нас перенесла.*

Одна за другой приходили печальные вести из хутор 1-е Мая. И в 1944 году пришли похорожки на Васю и Ваню: первый погиб в Никополе, второй на землях Белоруссии в 1943-м. Николай пропал без вести. В феврале победного 1945-го пришла весточка о

Филиппе, зверски убитом в немецком плену в Германии.

А мать все ждала... «А уси сыны йдутъ, а моих нэма, и день жду, и ничь...» — эта фраза Епистинии Федоровны из фильма «Слово об одной русской матери», который снял Павел Русанов, стала нарицательной — в ней вся боль русской крестьянки, которую война застала врасплох. Она берегла вещи своих кровинок, надеялась, что вот-вот вернутся и вновь польется теплая семейная жизнь: Вася вновь заиграет на скрипке, Иван будет читать свои стихи, а бабушка Пестя будет снова печь пироги для своих сыночков...

Сжалился Бог над старушкой, плакавшей днями и ночами, тревожившейся по каждому скрипу деревянной калитки. В 1945 году вернулся с фронта единственный выживший сын, Николай. «Коля, сын мой! Ведь совсем недавно сидели вы все, сыны мои, за большим столом вместе с вашим отцом, и я смотрела на вас, любовалась вами, как будто шептала мне кто: смотри, смотри, недолго осталось тебе видеть их. Не я терзаю сердце свое, это горе мое, беда моя изводит меня днем и ночью», — пишет Конов.

«ПРОСЫЛА СЫНОЧКОВ У БОГА...»

Никто, кроме соседей-хуторян Епистиньи, не знал о том, что пережила мать за эти страшные четыре года. Женщиной она была набожной, соблюдала посты, с утра молилась, к ночи молилась.

Однажды Филипп решил подшутить над матерью: «Сегодня будет икона плакать!» — заявил он на весь дом. Братья сделали дырочки в глазах на иконе и налили воды. Епистиния Федоровна, когда узнала, долго ругалась на своих деток. Говорила, что сама простить сможет, а вот у Бога прощения вымалывать придется.

«Все вы сняли, — сказала бабушка Пестя режиссеру Русанову, — но не сняли, як я молилась,

просьла сыночков у Бога...» И тогда появились кадры, где бабушка Пестя молится. Надежда Басманова пишет: «В фильме “Слово об одной русской матери” есть удивительный кадр, когда Епистиния Федоровна выходит из церкви, осеняя себя крестом. Женщина, потерявшая всех сыно-вей, не потеряла веры. Не озлобилась. И сила ее веры поражает не одно поколение россиян».

ПЕРВЫМ НАРУШИЛ МОЛЧАНИЕ

«Вспомним еще имя человека, рассылавшего с 1949 года во все уголки нашей страны и за рубеж материалы о Матери и ее сыновьях. Таких случаев история не помнила, поэтому старания Никиты Матвийчука, автора <...>заметок, не пропали даром».

Первым о судьбе Епистинии заговорил Матвийчук. Никита Иванович жил в станице Тимашевской, его дом до сих пор стоит между торговыми небоскребами. Символично: в ста метрах от его дома в 1975-м году был построен музей семьи Степановых. Матвийчук был неутомим: не один десяток раз посещал «органы», архивы. «Бывшие советские работники вспоминают появление Матвийчука: да, надоедал, требовал, просил помочь, приходил снова и снова... Но они и не отрицают: эти походы сделали свое дело, о Степановых узнал весь мир. О них нельзя было молчать, и первым нарушил молчание он, Никита Матвийчук», — пишет Басманова. Виктор Конов в книге «Епистинья» упомянул о Матвийчуке, как «придумавшем себе громкую биографию». Но в письме тимашевской журналистке Надежде Басмановой признался: «Как автору, мне досадно, что проскользнула неточная фраза. Вина моя. Сбило меня с толку небрежное и насмешливое отношение к нему некоторых работников музея. Мне советовали вообще не упоминать в книге имя Никиты Ивановича.

Я до сего дня не знал, что он написал книгу о Степановых («Славный путь». — В.К.). Уж я бы ее отыскал в Ленинской библиотеке и прочел. Не знал я, что он был жив, пока работал над книгой в Тимашевске...»

7 ФЕВРАЛЯ ЕПИСТИНИИ НЕ СТАЛО

В 1963 году умер Николай. Через год бабушка Пестя переехала в Ростов-на-Дону к дочке Вале (Варе — она хотела, чтобы все ее звали Валей). Там и жила в семье Степановых-Коржовых: встречала Новый год, принимала журналистов, проводила уроки мужества в школах, получала телеграммы из разных уголков мира. 7 февраля 1969 года сердце Епистинии Федоровны Степановой, Солдатской Матери, перестало биться. Весть о смерти бабушки Пести отозвалась в сердцах многих жителей страны. И вот уже ровно полвека нет с нами «Матери», великой и скорбящей по сынам, братьям... Таисия Чумакова пишет: «Она завещала похоронить ее в этом святом для нее месте, рядом с мужем и детьми, но мы не выполнили ее последней просьбы. Поскольку она была знаменитой матерью, в районе приняли решение похоронить Епистинию Федоровну на Мемориальном комплексе в центре станицы Днепро-вской, рядом с братской могилой защищавших станицу воинов. В 1985 году прошла реконструкция Мемориального комплекса. На могиле Епистинии установили гранитный памятник, рядом, одну за другой, гранитные плиты с именами ее сыночек...» Рядом с мамой в станице Днепро-вской лежит только Николай...

На надгробной плите Епистинии написаны неверные годы жизни: 1874—1969. Архивисты нашли документы, в которых сообщается, что Епистиния Степанова родилась в 1882 году. Так и приняли: умерла бабушка Пестя на 88-м году жизни.

В ПАМЯТЬ О МАТЕРИ

7 февраля 2019 года в музее состоялась встреча внучек Епистиньи с тимашевцами. Зинаида Масхулия поделилась воспоминанием: «В день, когда умерла бабушка, было очень холодно. Была вьюга, метель. Будто сама природа, сам Бог прощался с Матерью».

В 1975 году в Тимашевске построили музей имени семьи Степановых, в 1963-м на Аллее славы установили бюст Героя СССР Александра Степанова, Саши-мизинчика, в 1985-м — монумент «Мать», который отливали в Ленинграде, а за ним высадили девять елей. Город Тимашевск стал носить звание города Материнской славы: фамилией семьи здесь названы одни из главных улиц города — Братьев Степановых и Героя СССР Александра Степанова, в станции Днепровской его имя носит школа. В 1982 году открыли мемориальное подворье в хуторе Ольховском (такое название ныне носит хутор, ранее называемый 1-го Мая) — то самое подворье, где прожила Епистинья с женой Филиппа 29 лет. Когда Павел Русанов приехал в Ольховский после смерти Епистинии Федоровны, с которой сильно сдружился, и увидел, в каком запустении находилась хата, возмутился и сообщил об этом Алексею Аджубею, известному журналисту, зятю Хрущева, и внес предложение о создании мемориального подворья.

Много статей и книг было написано о жизни семьи Епистиньи: «Русская мать» Алексея Быстрова (1979), «Епистинья» Виктора Конова (1998). Режиссер Павел Русанов прочитал в «Литературной газете» статью Екатерины Лопатиной о семье Степановых, а после снял фильм «Слово об одной русской матери», который получил приз Московского международного кинофестиваля, а затем был признан лучшим фильмом на кинофестивале в Монте-Карло и удостоен высшей награды — «Золотой нимфы». Много статей и заметок можно найти в самых разных газе-

тах Советского Союза и России. Кубанский журналист Анатолий Макаренко посвятил несколько лет своей жизни изучению материнского подвига.

Много легенд ходит о жизни бабушки Пести. Например, говорят, будто она в 1943 году собрала фотографии и тетрадь со стихами Павла, сложила их в жестяную баночку и закопала в огороде, чтобы немцы не забрали. До сих пор эта баночка не найдена. А ведь в ней, согласно преданию, была единственная фотография мужа — Михаила Николаевича Степанова. Так что на надгробный памятник пришлось создавать портрет по памяти.

Таисия Чумакова специально для «Родной Кубани» посчитала количество внуков и правнуков бабушки Пести — их оказалось более пятидесяти!

Виктор Конов писал: «Груба жизнь внешне, но мечта о прекрасной жизни неистребима, она — как жар костра, подернутого пеплом, и прорывается в песнях и танцах, сказках и одежде, стойкости в испытаниях; “зерно” русской идеи, русской мечты о воле и братстве жаждет прорасти». ■